

САКРАЛИЗАЦИЯ СЕКУЛЯРНОГО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: “ОСКВЕРНЕНИЕ” ВЕЧНОГО ОГНЯ

Н.В. Петров, Б.С. Пейгин

Никита Викторович Петров | <http://orcid.org/0000-0002-2467-9535> | nik.vik.petrov@gmail.com | к. филол. н., заведующий Лабораторией теоретической фольклористики ШАГИ ИОН | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (пр. Вернадского 82, Москва, 119571, Россия) | старший научный сотрудник | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Борис Сергеевич Пейгин | <http://orcid.org/0000-0003-1493-6283> | bspeigin@gmail.com | младший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (пр. Вернадского 82, Москва, 119571, Россия)

Ключевые слова

осквернение, Вечный огонь, святотатство, правоприменитель, закон, секулярное сакральное, норма, современная Россия

Аннотация

В статье рассматриваются более 100 случаев “осквернения” Вечного огня в России 2010–2020-х годов. В контексте уголовных дел, связанных с богохульством и осквернением святынь, начиная с “панк-молебна” “Pussy Riot”, дела об “осквернении” Вечного огня позволяют увидеть, во-первых, как формируются аргументация и язык, которые используют СМИ и правоохранители в правовой дискуссии о секулярном сакральном, во-вторых, как происходит сдвиг от символического к материальному в отношении символов памяти в современном российском обществе. Авторы показывают, как и на каком основании преследуются сегодня в России “осквернители” Вечного огня, какие меры наказания к ним применяются. Несмотря на наличие в УК РФ специальных норм, в одних случаях такие деяния квалифицируются в соответствии с этими нормами, в других – как вандализм или надругательство над телами умерших и местами их захоронения, в третьих – как административные правонарушения. Правоприменители отчетливо считают смысл этих актов (как покушение на сакральное), однако в российском законе отсутствует легальное определение понятия “осквернение” (при наличии самого термина), что, по-видимому, и приводит к применению различных норм для наказания виновных. Так как случаи осквернения Вечного огня интерпретируются правоприменителями как святотатственные, нам представляется уместным предложить для них

Статья поступила 24.11.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 15.03.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Петров Н.В., Пейгин Б.С. Сакрализация секулярного в современной России: “осквернение” Вечного огня // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 2. С. 66–92. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020045>
EDN: QQOWZO

Petrov, N.V., and B.S. Peigin. 2023. Sakralizatsiia sekuliarnogo v sovremennoi Rossii: “oskvernenie” Vechnoogo ognia [The Sacralization of the Secular in Contemporary Russia: The “Desecration” of the Eternal Flame]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 66–92. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020045>
EDN: QQOWZO

общий термин “мемориальное святотатство”, под которым мы подразумеваем неконвенциональные действия с мемориальными комплексами и их элементами, в частности Вечным огнем, влекущие за собой репрессивные меры.

Информация о финансовой поддержке

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00508]

Вечный огонь – специальное сооружение (без захоронения или с элементом воинского захоронения), которое осмысливается как памятник и мемориал¹. В современной России насчитывается около 3600 Вечных огней², пик их открытия пришелся на конец 1960-х – 1980-е годы. Часто подобные памятники посвящены годовщине победы в Великой Отечественной войне или освобождения от оккупации; они могут воздвигаться на месте захоронения или представлять собой кенотафы. Вечный огонь часто располагается в центре города, он посещаем и включен в гражданскую ритуалистику: там проводятся мероприятия в День Победы³, иногда ставится почетный караул, к нему приезжают свадебные процессии.

Вечный огонь: великое прошлое в настоящем

Символическое употребление огня получило в наши дни и гораздо более важный, более возвышенный смысл. Вечный неугасимый огонь горит теперь у Кремлевской стены в Москве, на Марсовом поле и на Пискаревском мемориальном кладбище в Ленинграде, на Мамаевом кургане в Волгограде, на кладбищах во многих городах, символически знаменуя собой торжественную память народа о павших героях, о борцах за свободу, за честь Родины <...> Вот этот факт радикальной секуляризации древнего обряда может служить весьма поучительным примером того, как осторожно надо подходить к оценке современного значения ритуалов, корни которых уходят в глубочайшую древность, но современная символика как небо от земли отличается от прежней – магической, религиозной, какой угодно: что, впрочем, отнюдь не уничтожает факта прямой или не прямой генетической связи старого и нового; можно сказать – диалектической связи, развития через противоположность (Токарев 1980: 30).

Появление Вечного огня в том или ином месте может сопутствовать другим, более важным событиям. Так, А. Юдкина, исследовавшая мемориал в пос. Первомайском Тульской области, предполагает, что зажжения Вечных огней в СССР “не преподносились и не воспринимались как уникальные (первый Вечный огонь в СССР), на повестке дня были другие вопросы (окончательный пуск завода, вынужденное перепрофилирование производства), у местных властей не возникало потребности особо обозначить это событие” (Юдкина 2015: 133). То есть “открытие” Вечного огня могло быть инициативой местных жителей, подкрепленной материальными и техническими возможностями какого-либо предприятия, или просто было связано с газификацией региона.

Вечный огонь можно изучать в оптике *memory studies*, где особое значение приобретают связанные с памятниками перформативные практики, которые радикально трансформируют и переосмысливают восприятие прошлого (Winter 2014; Oushakine 2013; Радченко 2019; Ригль 2018). Разрушение, переделки и переносы памятников описываются как эмоционально резонансные события, которые проверяют ту или иную нарративную схему, или как специфические нарративы “проверки на прочность” памяти о прошлом. Так, Дж. Вертш, разбирая случай, связанный с переносом “Бронзового солдата” в Таллине, говорит о конфликте нарративных схем. Нарратив об утраченной, замалчиваемой неза-

висимости Эстонии вступает в конфликт с нарративом об изгнании иноземного захватчика (который продвигает Россия), когда встает вопрос о физическом перемещении памятника (*Wertsh* 2008).

Понятие “места памяти”, как и представления о режимах коллективной и коммуникативной памяти, также важны для исследователей. В частности, А. Юдкина предлагает рассматривать ритуалистику, возникающую около Вечного огня, в оптике П. Нора как “значимое единство материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности”, или в рамках идей А. Ассман как “переход от индивидуально-коммуникативной памяти к коллективно-культурной и наоборот” (*Юдкина* 2015: 133–134).

В работах ряда исследователей рассматриваются дискурсивные конфликты в связи с сакрализованным характером памяти о Великой Отечественной войне, при этом вводятся понятия “осквернение”, “сакрализованное пространство”, “святость”, “священный” и “святотатство”. Например, в Сыктывкаре Вечный огонь (из-за того что венок в руках женщин с определенного ракурса похож на рептилию) получил название “Бабы жарят крокодила”, и горожане, именуя его таким образом, совершают “вербальную интервенцию” в сакрализованное пространство памяти. Д.А. Радченко, анализируя тексты в соцмедиа, созданные противниками вернакулярной топонимии, пишет, что в них “прослеживается представление о том, что альтернативное название памятника – первый шаг к его физическому осквернению, потому что понижает статус мемориала в иерархии сакрального до рядового городского объекта, не нагруженного дополнительными смыслами” (*Радченко* 2019: 241).

Конструирование сакральности Вечного огня, как показывает С.Б. Адоньева, связано с идеей о символическом бессмертии погибших за общее благо или общее дело. Эту идею она находит в письме 1918 г. А.В. Луначарского В.И. Ленину об увековечении памяти жертв революции, захороненных на Марсовом поле в Петрограде. Позднее, в 1957 г., к 40-летию Октябрьской революции, именно там был зажжен первый Вечный огонь. Общее благо должно было стать святой целью, одобряемым средством достижения которой становилось самопожертвование (*Warner, Adonyeva* 2021: 223). Идея бессмертия через самопожертвование была перенесена с революционных и на военные события: символично, что Вечный огонь в Александровском саду был зажжен от огня на Марсовом поле. Конструирование сакральности Вечного огня происходило одновременно с изменением значения слов “святой” и “священный”. Если еще в XIX в. это в первую очередь религиозные термины, то в советскую эпоху это уже что-то значимое, важное, сокровенное, дорогое, как, например, “священный долг” строителя коммунизма или “священная война” (*Ibid.*: 226–227).

Здесь принципиально именно смещение значений: теперь мемориал рассматривается не просто как святое место⁴, но как нечто важное и сокровенное, а случаи посягательств на него – как “осквернение”, “кощунство” и “святотатство”. Когда речь идет о конфликтах вокруг Вечного огня, “кощунство” и “святотатство” используются в переносном значении: как “оскорбительное отношение к тому, что глубоко чтится, что свято и дорого кому-л.” (СРЯ 1999а: 119), как “оскорбление чего-л. глубоко чтимого, дорогого”⁵ (СРЯ 1999б: 60).

В России 2010–2020-х годов символические функции Вечного огня, о которых писали С.А. Токарев и С.Б. Адоньева, остаются значимыми. Для большинства людей они связаны с сакрализованной памятью о прошлом и о погибших во время Великой Отечественной войны и в других военных конфликтах. Однако есть и те, для кого такой мемориал, расположенный в городском пространстве, – это просто огонь с его изначальными функциями. Так, пламя Вечного огня пе-

риодически используют “по прямому назначению”: на нем жарят шашлыки, сушат одежду, жгут венки, кипятят воду, от него прикуривают сигареты. В СМИ подобные инциденты характеризуются как “осквернение”, “надругательство”, “оскорбление памяти” и т.п. Важно отделить эти “бытовые” случаи от других, когда Вечный огонь сознательно оскверняется: вандалы портят конструкцию памятника, наносят на него надписи, мочатся и плюют в него. Чаще всего хулиганами оказываются дети или подростки, в СМИ также упоминаются мигранты, бездомные и компании выпивающих людей 23–40 лет. Вероятно, именно наличие этой конструктивной особенности памятника – постоянно горящего огня – связано с актуализацией в общественной дискуссии понятий “священное” и “осквернение”.

В современной России правовая дискуссия на тему символов памяти о жертвах Великой Отечественной войны связана с концепцией “великого прошлого” и созданием мифа о войне в брежневское время и последующие годы (подробнее см.: *Дубин 2008; Габович 2020а*). В этой дискуссии, по нашему мнению, участвуют как минимум три типа акторов: люди, взаимодействующие с символами памяти неконвенциональным по отношению к установленному порядку способом; публичные лица и авторы статей в СМИ, описывающие эти взаимодействия; правоприменители, выносящие решения о (не)легитимности взаимодействия⁶. В этом споре актуализируются понятия, связанные с осквернением сакрализованной памяти о прошлом: “глумление”, “надругательство”, “оскорбление чувств” и т.п. Таким образом, дискурсивный контроль государства над символами памяти связан с тем, что Т. Асад назвал “святостью собственности” (*Asad 2008*); он позволяет правоприменителям диктовать форму и содержание публичных высказываний и взаимодействий с этими символами.

Мы утверждаем, что секулярные сакральные символы становятся видимыми благодаря не только государственной риторике, но и общественной дискуссии при рассмотрении правовых конфликтов. Поведение авторов СМИ, публичных деятелей, правоприменителей преследует определенную цель: обосновать и оправдать “свою правду” и “свой мир”. При этом материальные символы, в частности Вечный огонь и его окружение (напр., мемориальный комплекс “Скорбящая мать”, имена погибших), оказываются предметом этой дискуссии.

Нам близка позиция И.Б. Микиртумова, который, рассматривая правовые аспекты риторики оскорбленных чувств, привлекает концепцию обоснования социального действия Л. Болтански и Л. Тевено, согласно которой диспут трансформируется в соревнование между двумя различными испытаниями реальности (*Boltanski, Thevenot 1999: 374–375; Микиртумов 2016: 94*). И.Б. Микиртумов так характеризует эмоциональные реакции, возникающие в ходе подобного рода конфликтов:

Общие гнев и оскорбленность не есть просто аффекты, испытываемые всеми одновременно, возможно даже, что аффект на индивидуальном уровне быстро проходит или даже не возникает, но формируются иные гнев и оскорбленность, представляющие собой реакции, наличие которых члены группы должны демонстрировать ради ее блага. Этим реакциям подчиняются и акциональная, и дискурсивная сферы, так что одни действия и слова становятся обязательными, другие – недопустимыми (*Микиртумов 2016: 95*).

Именно обязательность одних слов и действий и недопустимость других в этом диспуте о Вечном огне и его осквернении создают предпосылки правовых норм о надругательстве над секуляризованными святынями. Нам кажется важным, что в процессе этого спора актуализируется второе значение “сакрального” и “священного”, “святотатства” и “кошунства”. Эти понятия, хотя они и не используются законодателем напрямую, формируют систему наказаний за неконвенциональные действия с Вечным огнем.

Мы предлагаем дополнить рассмотрение процессов сакрализации секулярного в контексте символов прошлого с помощью теории “нарративных схем” или “нарративных шаблонов” Дж. Вертша (*Wertsch* 2009, 2012). Дискурсивные стратегии, уложенные в нарративный шаблон, используют интерпретации и аргументы, которые показывают различия между разными типами “мнемонических сообществ” (термин Дж. Вертша): члены одного такого сообщества время от времени игнорируют нарративную схему, которую члены другого последовательно утверждают. Всегда есть сомнения, насколько корректно говорить только о двух типах такого рода сообществ, – это вопрос для обсуждения. Тем не менее обращение к терминологическому аппарату Дж. Вертша становится опорой для рассуждения о процессах сакрализации секулярного в современной России.

Важно отметить, что мы не рассматриваем случаи, когда возникает конфликт в связи с неофициальными названиями таких мемориалов. Нас интересуют прежде всего физические взаимодействия с памятниками: то, как выстраиваются и нарушаются границы секулярного сакрального, какие акторы и по каким причинам участвуют в этих процессах. Второй аспект нашего исследовательского интереса связан с тем, как работают правоприменители в условиях бедности юридического языка в отношении дел, связанных с осквернением символов секулярного священного.

Забегая вперед, отметим, что язык правоприменителей меняется с течением времени: если раньше в качестве наказания чаще применялись “нравственно-патриотические беседы”, заводились административные дела по статье “мелкое хулиганство” и уголовные по статьям “Вандализм” (ст. 214 УК РФ) или “Надругательство над телами умерших и местами их захоронения” (ст. 244 УК РФ) то с 2019 г., и особенно с 2020 г. стали заметно чаще применяться более специализированные нормы (напр., ст. 243.4 и 354.1 УК РФ). Как пишет И.Б. Микиртумов:

Российская правовая практика, связанная с защитой оскорбленных чувств, в настоящее время формирует отечественную “политическую корректность”, для обозначения ориентиров которой используются выражения “культурный код”, “духовные скрепы”, “традиционные ценности” и т.п. Тем самым, возникает система аргументации, подкрепленная авторитетом органов власти, поскольку, какой бы ни была политическая или социальная подоплека тех или иных случаев защиты или игнорирования оскорбленных чувств, даваемые при этом судами или административными органами обоснования выносимых решений фиксируют не частную, а публичную риторику, которая может восприниматься как воплощающая явно не проговариваемую “политическую линию” (*Микиртумов* 2016: 81–82).

По справедливому замечанию Н.В. Генрих, криминализация сама по себе – значительный, “безграничный” культурный феномен (*Genrikh* 2020: 182). Подчеркнем, что не только культура, в том числе и культура высказывания, определяет криминализацию деяний, но и криминализация воздействует на культуру, т.е. процесс этот обоюдный. Изменения в российском уголовном законе последнего десятилетия хорошо это иллюстрируют. Так, “панк-молебен” группы “Pussy Riot” стал не только значимым культурным феноменом, но и непосредственной причиной изменений в ст. 148 УК РФ⁷, которая после этого в обиходе стала именоваться “законом об оскорблении чувств верующих”. С другой стороны, поправки в КоАП⁸ и УК⁹ в части злоупотребления свободой массовой информации (“законы о фейках”) и сложившаяся по ним правоприменительная практика оказали самое непосредственное влияние на культуру высказывания (через реальное наказание), обозначив его пределы (*Архипова и др.* 2020: 4–38).

Для нашего исследования мы подготовили базу данных, включающую более

100 случаев подобных манипуляций. База собиралась по открытым источникам: публикациям в СМИ и делам Базы судебных решений ГАС РФ “Правосудие”. Полученные данные были размечены: по дате, региону и населенному пункту, в котором произошло событие; по объективной стороне правонарушения; по количеству, полу и возрасту участников (если они были известны); по квалификации их деяния правоохранительными органами; по виду и размеру назначенного наказания. Данные соцмедиа для анализа массово не привлекались – это должно стать предметом отдельного исследования¹⁰.

Осквернение Вечного огня: данные российских СМИ

Тема “преступных” манипуляций с Вечным огнем хорошо представлена в современных российских СМИ: освещается как проблема в целом¹¹, так и отдельные акты осквернения (№ 68). Стиль этих публикаций различен. В общероссийских общественно-политических и деловых изданиях (“Российская газета”, “Коммерсант”) преобладает нейтральный, сдержанно-фактологический язык:

Суд в Краснодаре приговорил к 15 суткам ареста местного жителя, который нарисовал свастику на территории мемориала “Вечный огонь” в краевой столице. Как сообщили в объединенной пресс-службе судов региона, запрещенный символ он изобразил на баннере в поддержку “специальной военной спецоперации на Украине” (16.03.2022) (№ 84).

В свою очередь, в более “желтых” – по критериям Е.А. Сазонова (Сазонов 2005) – развлекательных СМИ язык описания подобных инцидентов становится иным. Такие тексты отличаются высокой эмоциональностью, изобилуют пейоративами и в целом направлены на демонизацию образа виновных. В качестве примера приведем цитату из публикации от 18 сентября 2015 г.:

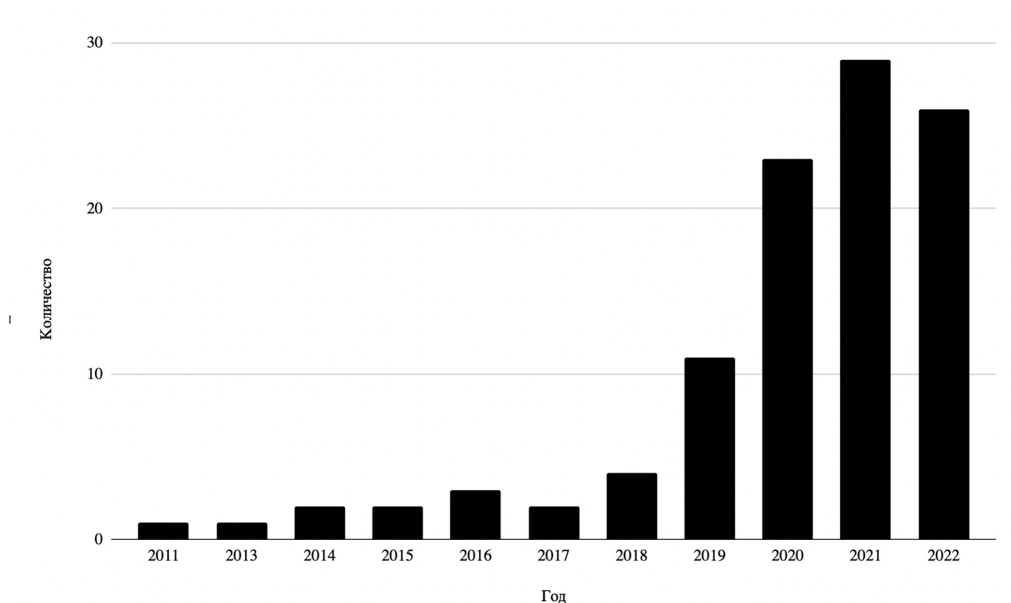

Рис. 1. Случаи осквернения Вечного огня по годам

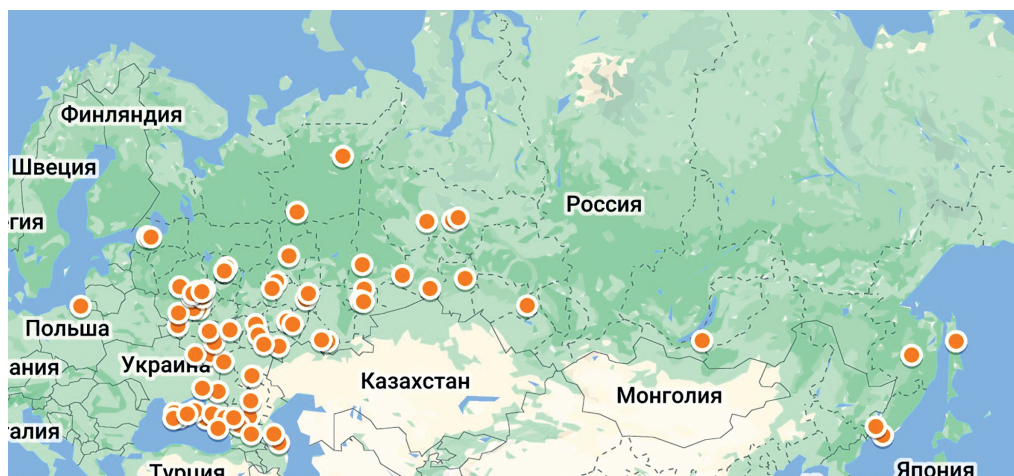

Рис. 2. Карта городов, где зафиксированы случаи осквернения Вечного огня (карта сгенерирована с помощью сервиса <https://www.google.com/maps>)

Этой ночью, 18 сентября, в Центральном районе Тольятти произошел акт вандализма. Пострадал Вечный огонь на площади Свободы.

«Сегодня ночью какая-то тварь (по другому просто не могу назвать это существо) сожгла на Вечном огне, расположенном на площади Свободы, корзину с цветами. Вот результат “развлечений” этого урода», – выкладывает в паблике “События Тольятти” фотографии Марина Раевская. На фотографиях видно, что от действий мерзавцев пострадала звезда Вечного огня, которая вся закопталась и нуждается в серьезной чистке (№ 6).

Статья на портале “Экспресс-газеты” от 7 мая 2018 г. под характерным названием “Как наказывать негодяев, сознательно глумящихся над памятью павших” начинается следующим образом:

Когда фашиствующие негодяи оскверняют памятники героям войны, это отвратительно, но понятно. Они прекрасно осознают, что совершают мерзость, и трусливо прячутся, чтобы избежать возмездия. Но все больше примеров дикого поведения обычных людей разного возраста, которые публично демонстрируют циничное неуважение к святым для миллионов символам. И даже часто искренне не понимают, за что их наказывают. Тем более что теперь есть кому пожаловаться¹².

Отбирая упоминания об осквернении Вечного огня, мы исходили из того, что на восприятие разными людьми сакральности объекта влияет то, как и каким языком СМИ формулируют сведения о мемориале и действиях вокруг него. Одна из пресуппозиций – используемый СМИ язык отчасти регулирует и направляет общественное мнение о сакральности объекта, формируя страх неправильного с ним обращения (см.: *Glassner* 1999). В базу данных мы старались отобрать относительно нейтральные сообщения в СМИ, которые излагают суть дел об осквернении; один и тот же случай мог описываться и перепечатываться в нескольких источниках. Наиболее показательны данные 2019–2022 гг. Так, с 29 марта 2019 г. по 19 октября 2022 г. в России произошло не менее 85 актов осквернения Вечного огня, всего же мы зарегистрировали 104 случая в 81 населенном пункте (среди них как города-миллионеры, так и небольшие поселки).

Как упоминалось выше, огонь регулярно используют “по прямому назначению”: на нем что-то жарят, жгут и т.д.; в отдельных случаях через него прыгают, вокруг него водят хороводы. Такие действия можно объяснить тем, что симво-

лическое значение мемориала не актуально для определенных групп акторов; огонь для них является объектом, которому “возвращаются” аффордансы – очевидные физические свойства и возможности¹³. Сам памятник в подобных случаях трансформируется, становясь “площадкой для барбекю”, “сушилкой для одежды”, “танцплощадкой” и т.д. Другие группы считают эту трансформацию недопустимой, а практики – подлежащими наказанию.

Помимо прочего, следует учесть и ненамеренность некоторых действий: огонь, расположенный в общественном пространстве, оказывается своего рода бесплатным очагом для тех, кто не имеет возможности в силу ряда причин использовать его в помещении.

Задержанный по делу о ЧП на Комсомольской 48-летний калининградец рассказал, что курицу, которую он пожарил на Вечном огне, мужчина нашел на помойке. Об этом сообщает пресс-служба регионального УМВД. “Был пьян, дома поругался, был голодный. Воровать не хотел, поэтому взял с помойки, готовить было негде”, – признался задержанный. На вопрос, знает ли мужчина, для чего нужен Вечный огонь, калининградец ответил: “Да, конечно. Это вечная память героям... За что сам себя корю, виноват” (15.06.2022) (№ 89).

Самый распространенный акт вандализма в зимний период – попытка потушить огонь, таких случаев мы отметили около 20 – не менее чем в шести из них виновные мочились в огонь. Среди случаев вандализма – не менее чем в восьми нарушители прикуривали от Вечного огня. Есть и уникальные прецеденты: так, в Оренбурге подростки прыгали через огонь (№ 36), в Химках 32-летний мужчина сжег на нем телевизор (№ 67). Вероятно, интенциональность таких действий нужно рассматривать особо, так как правоприменитель будет пытаться доказать умышленность осквернения.

Точно установить демографические характеристики виновных не всегда удается, однако мужчины, по-видимому, совершают подобные поступки чаще женщин: 65 случаев (в том числе три случая – группы мужчин) против 22 (в том числе три случая – группы женщин); в трех случаях в “осквернении” участвовали люди обоих полов, и еще в 14 пол виновных остался неизвестен. Что касается возраста, то по крайней мере в 36 случаях хотя бы один из действующих лиц был несовершеннолетним (наименьший возраст – 7 лет), еще в трех случаях речь шла о студентах (вероятно, о юношах/девушках 20–25 лет). Пожилых людей, напротив, почти нет в числе виновных: только в двух случаях к ответственности привлекались лица старше 60 лет.

Почему среди осквернителей больше всего молодых людей? Возможно, у подростков в силу возраста есть естественное желание проверять социальные нормы и границы на прочность, сочетающееся с повышенной спонтанностью действий; это желание временами приобретает противозаконные формы, тем более что подростки часто не в силах просчитать отдаленные последствия своих поступков. Другое возможное объяснение заключается в том, что для подростков нарратив о сакральности памяти предков, погибших в Великой Отечественной войне, не столь очевиден, поскольку живых свидетелей или участников войны они не застали и не были включены, например, в школьные практики поддержки ветеранов. Однако для подтверждения этого предположения необходимо собрать доказательную базу.

Наконец, наиболее скудна в открытых источниках информация о социальном статусе или гражданстве виновных: известно, что в трех случаях это были студенты, в двух – военнослужащие, еще в двух – бездомные, в трех – иностранцы. Так, фигуранткой одного из уголовных дел о реабилитации нацизма стала 21-летняя гражданка Замбии. Как пишет портал “Сургутская трибуна”,

16 апреля 2022 года подозреваемая исполнила непристойный танец на фоне Вечного огня в Парке Победы Ханты-Мансийска, вблизи Мемориала славы воинам округа, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Все действие она снимала на камеру, после чего видеозапись выложила на своей странице в одной из социальных сетей с комментарием оскорбительного характера (19.04.2022) (№ 100).

В другом случае к уголовной ответственности привлекли бездомного (г. Миасс, 04.10.2021):

Местные жители ночью заметили, что неизвестный что-то бросает в Вечный огонь, и вызвали полицию. Прибывшие на место правоохранители задержали нарушителя. Выяснилось, что он решил просушить там носки и прочую одежду. А что бы огонь разгорелся сильнее, подбрасывал в него искусственные цветочные венки. В итоге мемориал пришел в негодность, его пришлось демонтировать (№ 51).

Говоря о квалификации случаев осквернения Вечных огней, необходимо четко различать действия утилитарные, когда огонь используется по своему прямому назначению (обогрев, прикуривание, приготовление еды – № 7, 15, 23, 29, 55, 75 и др.), и намеренное осквернение, направленное на профанацию священности места (напр., помочиться на огонь – № 3, 17, 22, 31, 82, 88). Однако правоприменители не всегда проводят границу между ними: в двух приведенных выше примерах (№ 51, 100) виновные были привлечены к ответственности по одной и той же статье – “реабилитация нацизма”.

Правоохранительные органы относятся к подобным происшествиям с особым вниманием, вероятно, учитывая то, что председатель Следственного комитета берет их расследование под свой контроль. Так, в ноябре 2020 г. Александр Бастрыкин на международном форуме “Уроки Нюрнберга” заявил:

Когда в славные ряды “Бессмертного полка” с помощью современных технологий вставляли фигуры, портреты нацистских преступников, предателей родины. Когда сосиски жарили в Кронштадте на Вечном огне... мы всех нашли <...> И я хотел бы предупредить всех тех, кто еще так пытается куражиться на памяти о наших дедах и отцах – найдем каждого. И каждый получит по закону (Бастрыкин 2020).

К. Гинзбург пишет об увеличении числа процессов о колдовстве и магии и, как следствие, о резком “всплеске репрессий” в Модене в 1518–1520 гг., связывая это с фигурой работавшего там викария инквизиции фра Бартоломео да Пиза (Гинзбург 2004: 19). В нашем случае, вероятно, именно рвением Бастрыкина, его публичными высказываниями, время от времени цитирующимися в СМИ, можно объяснить рост количества случаев “осквернения” Вечного огня в 2020–2022 гг. и возбужденных по ним дел.

Можно выделить основные риторические приемы, характерные для сообщений СМИ о подобных случаях: помимо прочего, это использование терминов “осквернение”, “надругательство”, “оскорбление памяти”, “глумление”¹⁴ и т.п. и “канцелярский” стиль описания всех происшествий (хотя публикации различаются по своей тональности, о чем мы писали выше):

Сотрудники правоохранительных органов задержали подозреваемых в осквернении мемориала Воинской славы в Одинцове <...> Ранее в соцсетях появились изображения осквернения мемориала павшим воинам в Одинцове, на которых неизвестный мужчина ставит на вечный огонь ведро и помешивает содержимое шваброй (30.05.2020) (№ 45).

...утром 27 мая фигурант бросил свою куртку на мемориальный комплекс, одежда загорелась и огонь повредил часть объекта. Вечный огонь находился на территории памятника Воинам-землякам, он же – скульптурная композиция “Тыл – фронту” в поселке Ноглики (27.05.2022) (№ 85).

Характерно, что таким образом описывают происшествия, связанные с мемориалами, даже “желтые” издания. Так, портал “Политинформатор” в материале об осквернении Вечного огня в Керчи после подзаголовка «Жаркое понадобилось 29-летнему феодосийцу, чтобы закусить ранее выпитое, передает корреспондент “ПолитНавигатора”» приводит вполне официальную цитату из заявления Следственного комитета по Крыму:

По данным следствия, вечером 19 сентября подозреваемый взобрался на мемориальное сооружение Вечный огонь, где распивал алкогольные напитки, а также поджигал возложенные цветы в присутствии своих знакомых, не обращая внимания на замечания прохожих, – рассказали в региональном главке Следкома. – Тем самым, он публично осквернил символ воинской славы России и оскорбил память защитников Отечества (19.09.2022) (*№ 103*).

Представляется, что подобное единообразие служит определенной цели. Публикации придает “вес” официальности, а самому описываемому случаю – большая значимость. Если делом занимаются правоохранительные органы (сообщающие о происшествии особым, только им присущим языком), – значит, оно важное и серьезное. Этой же цели, по-видимому, служит и еще одна общая черта большого количества публикаций: указание на статью, по которой может быть квалифицировано преступление, и на то, что в случае ее применения грозит виновному:

Отметим, осквернение Вечного огня является преступлением по статье 244 УК РФ... Наказанием за такое преступление может быть крупный штраф, обязательные работы и тюремное заключение (*№ 87*).

7 апреля местный житель “справил нужду на Вечный огонь и снял это на видео. Ролик он распространил через мессенджеры”. Максимальное наказание за вменяемое ему преступление – штраф на сумму до пяти миллионов рублей, пять лет принудительных работ или лишение свободы на тот же срок (*№ 104*).

В реальности же наказание за такие действия может быть разным: иногда это “нравственно-патриотические беседы” или заведение административных дел по статье “мелкое хулиганство”, о чем будет сказано ниже, иногда – реальные тюремные сроки. Так произошло в 2019 г. в Уссурийске и в 2021 г. в Сургуте (*№ 21, 72*).

Если обратиться к вопросу о том, как сами виновные объясняют свои поступки, то можно обнаружить, что часто все сводится к тому, что они находились в состоянии алкогольного опьянения (*№ 21*), или к банальному интересу: потухнет ли огонь (*№ 17*). Встречаются и случаи принесения публичных извинений виновными, когда они вынуждены воспроизвести нарратив о священной памяти предков, которую они осквернили (напр.: *№ 82*).

С точки зрения теории права законом защищается нечто большее, нежели достоинство, – защищаются коллективные чувства народа, который победил в войне. Государство в лице полиции и Следственного комитета отстаивает такой подход, квалифицируя случаи оскорбления памяти о Великой Отечественной войне как правонарушения, требующие соответствующего наказания, а граждане, совершая те или иные действия с Вечным огнем, либо не обращают внимание на священный характер этого места, либо намеренно его игнорируют. Здесь уместно обратиться к понятиям “нарративная схема” и “специфический нарратив” (*Wertsch 2008, 2009, 2012*). Нарративная схема обеспечивает интерпретирующую структуру, которая в значительной степени формирует мышление и речь членов того или иного коллектива. Несовпадения в интерпретации некоторых событий в такой структуре могут быть довольно неожиданными для

разных коллективов, что отражает различия между мнемоническими сообщениями, организованными вокруг отдельных кодов. Специфический нарратив более конкретен и включает цифры, даты, контекст. Таким образом, упомянутую выше “дискуссию” между людьми, которые совершают неконвенциональные действия с Вечным огнем, и правоохранительными органами можно рассматривать как борьбу двух или более “воображаемых” мнемонических сообществ посредством специфических нарративов. Одна группа игнорирует, не помнит или испытывает на прочность нарративную схему, вторая ее последовательно утверждает.

Дискурсы правоприменителей

Говоря об особенностях современного российского юридического реагирования на “осквернение” Вечного огня, следует в первую очередь постулировать, что, несмотря на фактическую разнородность этих деяний, все они с правовой точки зрения имеют общий видовой объект посягательства – то, что в российском законодательстве описывается термином “общественная нравственность” (который вводится самим названием гл. 25 УК РФ). С фактической же точки зрения все подобные деяния (напр., тушение Вечного огня или танцы рядом с ним) объединяет то, что они могут быть описаны как “осквернение” (в бытовом его значении). Отметим, что это понятие есть в российском юридическом языке (в частности, в диспозиции ст. 244 УК РФ: “повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий”), однако, по словам Ю.В. Макаровой, “на сегодняшний день не только отсутствует легальная (законодательная) дефиниция данного юридического понятия, но и в науке уголовного права не существует четкого определения понятия осквернения” (Макарова 2019: 196).

Преступления против священного известны российскому уголовному праву на протяжении 250 лет – с Соборного уложения 1649 г. Характерно, что в их число входили и различного рода осквернения захоронений. Как пишет Э.А. Алимурзаев, рассуждая о Воинском артикуле 1715 г.,

деяния, которые посягали на нравственность в области социальной памяти общества, являлись общественно опасными и имели высокие пределы наказуемости, непосредственно пересекаясь с религиозными канонами, запрещающими оскорбление чувств верующих, церковные кражи, осквернение святых мест и мест захоронения тел умерших (Алимурзаев 2020б: 102).

Со временем соответствующие составы законов претерпевали изменения, а санкции за такие преступления постепенно смягчались: так, по Соборному уложению за богохульство безапелляционно следовала смертная казнь, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – каторжные работы на срок до 15 лет, а в 1906 г. все эти положения утратили силу.

В советское время ситуация полностью меняется – в части как отношения законодателя к преступлениям против священного, так и языка уголовного права и вообще юридической техники. Советское публичное право, тяготевшее к крайнему нормативизму, в целом исключало из юридического языка категорию этического, что естественным образом препятствовало образованию юридической ответственности за “святотатство” или “кошунство” (русское дореволюционное уголовное право различало эти понятия¹⁵). Иными словами, высказывание законодателя о “святотатстве” через нормативный текст становилось технически невозможным. Однако за прошедшее с момента возникновения советского права столетие изменилось и это высказывание, и сам законодатель.

Так, УК РСФСР 1922 и 1960 гг. не содержали слова “осквернение”. Это не означает, что правонарушения в области общественной нравственности не рефлексировались советским правоприменителем (в позднесоветскую эпоху в столицах и курортных городах существовали специальные подразделения милиции по борьбе с такими правонарушениями [Миллеров 2021: 139]). Кроме того, в УК РСФСР 1960 г. была ст. 229, по смыслу схожая с нынешней нормой о надругательстве над телами умерших, однако под эту статью попадало также хищение предметов из могил или с кладбищ (Алимирзаев 2020а: 59), а диспозиция этой нормы не содержала понятия “осквернение”. В уголовный закон термин возвратился с принятием УК РФ 1996 г. В то время к “осквернению” не относилось посягательство на священное; термин фигурировал в диспозициях общеуголовных преступлений, таких как вандализм или надругательство над телами умерших и местами их захоронения. Однако позднее он вновь стал использоваться и для обозначения “святотатственных” деяний, таких как реабилитация нацизма, когда они были криминализованы российским уголовным законом, т.е. в 2010-е годы.

Научная дискуссия об этом “новом святотатстве” простирается дальше понятий о преступном, установленных законодателем, и в этом смысле некоторым образом перекликается с алармистским языком СМИ. В качестве примера скорее показательного, нежели курьезного, можно привести предложение Р.А. Исмагилова о формулировании диспозиции уже упоминавшейся выше ст. 244 УК РФ:

Думается, что основания для емкого и лаконичного названия, точно отражающего правовую природу и сущность общественной опасности преступления предусмотренного ст. 244 УК РФ, кроются в плоскости объекта данного посягательства. <...> Учитывая сферу совершения анализируемого преступления, оно может быть обозначено как “Похоронное святотатство” (Исмаилов 2016: 18).

Помимо “общественной опасности” в дискуссию включается и понятие “национальные интересы”. Так, К.А. Костюкевич и А.А. Хан предлагают привлечь к ответственности иностранных граждан, совершивших осквернения российских воинских мемориалов за границей, объясняя это “национальными интересами России” (Костюкевич, Хан 2021: 191).

На нехватку дефиниций (в частности, легального определения осквернения) сетуют и те исследователи-юристы, которые находят проблему осквернения памяти значимой и требующей срочного реагирования. Так, Г.Л. Москалев предлагает ввести в законодательство термин “историческая правда”, под которым понимается “требующая охраны от ее изменения социально значимая достоверная информация об исторических событиях, связанных с обороной России и, главным образом, с историей Великой Отечественной войны, состоящая из точно подтвержденных исторических фактов” (Москалев 2022: 1070).

Этот “священноохранительный поворот” в отношении памяти о Великой Отечественной войне, о котором подробнее мы говорили выше, нашел свое отражение не только в уголовно-правовой мысли, но и в уголовном законе. Новеллы, такие как ст. 243.4 и 354.1 УК РФ, в некотором смысле “обернули вспять” сложившуюся было тенденцию к декриминализации посягательств на священное в России. Так, Федеральным законом от 07.04.2020 № 112-ФЗ в УК РФ была введена ст. 243.4 “Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России (в том числе мемориальных музеев или памятных знаков на местах боевых действий), а равно

памятников, других мемориальных сооружений или объектов, посвященных лицам, защищавшим Отечество или его интересы, в целях причинения ущерба историко-культурному значению таких объектов”¹⁶. Согласно этой норме, вышеперечисленные деяния являются преступлением и влекут за собой наказание вплоть до пяти лет лишения свободы. Еще раньше, в 2014 г., российский уголовный закон пополнился ст. 354.1, криминализирующей “реабилитацию нацизма”¹⁷. В контексте нашего исследования наиболее важной является ч. 3 данной статьи, устанавливающая наказание до трех лет лишения свободы за “распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично”, что, очевидно, включает в себя и осквернение Вечных огней, стел и других памятников.

С юридической точки зрения подобное соотношение диспозиций исследуемых норм, конечно, не является идеальным, поскольку не позволяет очевидным образом отграничить один состав преступления от другого¹⁸. Важнее то, что законодатель таким образом недвусмысленно манифестирует свое отношение к проблеме, которая, в его представлении, чрезвычайно остра – настолько, что Вечные огни и иные памятники, посвященные Великой Отечественной войне, становятся объектами не просто уголовно-правовой охраны, а “сверхохраны”, закрепленной более чем в одном составе преступления – случай, уникальный для российского права. Отметим при этом не только пересечение объективных сторон составов преступлений, но и известную смысловую общность их объекта преступного посягательства, который можно было бы определить не просто как отношения в области охраны памяти об участниках Великой Отечественной войны, но как *сакрализованность этой памяти*, притом сделать это можно только косвенно, исходя из смысла диспозиций. Сказанное позволяет рассматривать эти преступления именно как своеобразную “частную” разновидность святотатства, которое не может быть определено прямо, в первую очередь из-за ограниченности юридической техники, о чем говорилось выше. Сами термины “святотатство”, “богохульство”, “кощунство” отсутствуют в российском уголовном праве и не различаются правоприменителями.

Ситуативная, порой поспешная реакция российского законодательства на те или иные ранее неизвестные отечественному праву явления, а также криминализация *ad hoc* тех или иных действий, артикулируемых как общественно опасные, не является чем-то новым – так, за 2010-е годы УК РФ был дополнен значительным количеством новелл. По словам Т.В. Непомнящей, “[б]ольшинство изменений УК РФ последних лет бессистемно, спорно и противоречиво. О том, что большинство изменений, внесенных в УК РФ, являются скорее негативными, чем позитивными, в последние годы пишут многие ученые-криминологи. По мнению большинства из них, в ныне действующей редакции Уголовный кодекс РФ утратил качество кодифицированного закона” (*Непомнящая* 2015: 91).

В качестве примера “экстренных” дополнений правовых норм можно вспомнить историю вокруг “групп смерти” в 2016–2017 гг., когда российский уголовный закон был дополнен ст. 110.1, 110.2 (“Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства”, “Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства”), диспозиции которых, хотя и не вполне совершенным образом, описывали различные формы преступной причастности к самоубийству (*Малетина* 2018: 141). Эти нормы были введены Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ; действовавшая до этих поправок норма ст. 110 УК РФ (“Доведение до самоубийства”) предпо-

лагала закрытый перечень деяний. Основным героем этой истории был так наз. Филипп Лис (Ф.А. Будейкин), деятельность которого продолжалась до ноября 2016 г., когда он был задержан и заключен под стражу. Таким образом, уголовное преследование в отношении него осуществлялось в условиях некоторого *недостатка уголовного закона*, который по такому случаю пришлось срочно дополнять¹⁹.

В исследуемом же нами случае имеет место, напротив, скорее *избыток уголовного закона* – правоприменитель имеет не только возможность привлечь виновное в осквернении памятников лицо к ответственности, но и избыточно широкие основания для этого.

Вопреки ожиданиям, правоприменительная практика по подобным делам чрезвычайно неоднородна: иногда виновные привлекаются к административной или уголовной ответственности, а иногда правоохранительная система никак не реагирует на произошедшее. Так, из 104 собранных нами случаев “осквернительных” манипуляций в отношении Вечных огней, в 18 виновные были привлечены к административной ответственности, в 49 – к уголовной, еще в 12 источники сообщали о проведении “доследственной проверки” или “полицейской проверки”²⁰, в одном случае никакой правоохранительной реакции не последовало, и, наконец, в 24 случаях реакция правоохранительных органов неизвестна.

Если говорить об административной ответственности, то в действиях правоохранителей была определенная логика: так, в шести случаях виновными были взрослые, и их привлекали за мелкое хулиганство по ст. 20.1 КоАП; в одном случае – по ст. 20.3 КоАП за публичное демонстрирование нацистской атрибутики: виновный нарисовал свастику на мемориале (№ 84); в девяти случаях, фигурантами которых были несовершеннолетние, их родителей (законных представителей) привлекли к ответственности по ст. 5.35 КоАП (неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних). Еще в двух случаях о квалификации административного правонарушения в источниках не сообщалось.

Напротив, в тех случаях, когда виновные привлекались к уголовной ответственности, единообразия практик не наблюдалось: в 20 случаях их действия были квалифицированы как вандализм (ст. 214 УК), в 16 – как надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК), в девяти – как реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК) и в трех – как уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России (ст. 243.4 УК).

Еще более показательно то обстоятельство, что (по крайней мере в части случаев) фактические действия виновного лица (объективная сторона правонарушения) слабо коррелировали с их юридической квалификацией. Так, девушка, прикуривавшая от Вечного огня в Кисловодске (2016 г.), была признана виновной в мелком хулиганстве (№ 7). Другая девушка, совершившая аналогичное деяние в Комсомольске-на-Амуре (2021 г.), была привлечена уже к уголовной ответственности за вандализм (№ 68). Женщину, потушившую Вечный огонь и закидавшую его бутылками (Санкт-Петербург, 2020 г.), привлекли к административной ответственности (№ 38), а 20-летний студент из Находки, потушивший огонь и забросавший его землей с клумбы (2021 г.), стал фигурантом уголовного дела о вандализме (№ 79).

Можно увидеть отсутствие правового единообразия и в тех случаях, когда действия виновных носили более выраженный “святотатственный” характер. Например, двое мужчин, танцевавших на памятнике в Тамбове (2021 г.), стали фигурантами дела о мелком хулиганстве (№ 66), а в Ханты-Мансийске (2022 г.) аналогичное деяние повлекло возбуждение уже уголовного дела о реабилитации нацизма – его фигуранткой стала студентка из Замбии (№ 100); третьим примером в этом ряду может служить уголовное дело уже по ст. 244 УК (“Надругательства над телами умерших и местами их захоронения”) в отношении жителя с. Донское Ставропольского края, который в 2021 г. танцевал лезгинку у Вечного огня (№ 53).

Размышляя о возможных причинах подобного разнообразия практики, нужно отметить, что в ее складывании нечеткость и “резиновость” диспозиций ст. 243.4 и ч. 3 ст. 354.1 УК, безусловно, играют свою роль, поскольку в связи с этим возникает сложность в определении предмета и объема доказывания. Однако обнаруженное нами явление невозможно объяснить только этим. Напротив, заметно, что правоприменитель скорее избегает задействования имеющихся в его распоряжении “святотатственных” статей – ст. 243.4 и ч. 3 ст. 354.1.

Даже принимая во внимание ограниченность собранной нами базы данных, оценить реальные масштабы применения рассматриваемых статей мы можем. Так, согласно данным ГАС “Правосудие”²¹, отмечается 149 записей о применении ст. 354.1 УК “Реабилитация нацизма” (всех частей), причем в это число входят пересмотры вынесенных судебных решений во второй и кассационной инстанциях, которые учитываются как отдельные дела. Из этого числа 52 записи относятся к ч. 3 ст. 354.1 УК (“публичное оскорбление памяти защитников Отечества либо публичное унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны”), 19 содержат текст судебного акта. Однако все эти случаи касаются высказываний в интернете, они не связаны непосредственно с манипуляциями с Вечным огнем и другими мемориалами – поэтому их тексты не могут быть предметом нашего исследования.

Уже приводившаяся выше ст. 243.4 УК РФ применяется еще реже. ГАС “Правосудие” содержит всего 17 записей о ее применении. Иными словами, можно констатировать, что ст. 243.4 и ч. 3 ст. 354.1 УК РФ применяются значительно реже, чем совершаются “святотатственные” посягательства на мемориальные объекты, связанные с Великой Отечественной войной в целом и на Вечный огонь в частности.

Несмотря на то что вид и размер назначенного наказания известны нам далеко не во всех случаях, можно отметить значимое отсутствие единства практики и в этом вопросе. В одном из 29 случаев, когда исход дела известен, виновные возместили ущерб в порядке гражданского судопроизводства, в шести – несовершеннолетних поставили на учет в КДН и/или с их родителями провели профилактические беседы, в одном – был назначен административный штраф, в двух – произведены административные аресты; из числа уголовных дел шесть были прекращены с назначением судебного штрафа (от 5 до 30 тыс. руб.), в одном – виновному назначены исправительные работы, в двух – ограничение свободы, в двух – суд приговорил к условному лишению свободы, наконец, еще в семи – к реальному лишению свободы на сроки от шести месяцев до трех лет.

Исследовательский интерес представляет и то, как нарратив о святотатстве воспроизводится в легальных текстах – не только в тексте уголовного закона, но и в принятых судебных решениях. Наилучшим образом это могут продемонстрировать приговоры по уголовным делам именно по вышеуказанным статьям. Если вновь обратиться к диспозиции ст. 243.4 УК РФ, можно увидеть, что состав этого преступления предусматривает умышленное “причинение ущерба

историко-культурному значению” объектов. Конечно, эта формулировка не синоним термина “святотатство”, поскольку она значительно шире; однако она не только допускает, но и прямо предписывает наказывать именно за покушение на сакрализованную память о прошлом. Соответственно, описание этой сакрализованности, способов ее осквернения и интерпретация действия как осквернительного должны находить свое отражение в тексте приговоров, как того требует уголовно-процессуальный закон.

В качестве примера рассмотрим текст приговора по уголовному делу № 1-426/2021, вынесенного Октябрьским районным судом г. Новороссийска 23.06.2021 г. в отношении Н. по п. “б” ч. 2 ст. 243.4 УК РФ²². Н. обвинялся в том, что, находясь в состоянии алкогольного опьянения, разбил бутылку о стелу памятника, установленного на месте высадки десанта на Малой Земле. Объективная сторона совершенного Н. преступления не была связана с Вечным огнем напрямую, однако, поскольку текстов приговоров по делам о таких манипуляциях (если они существуют в принципе) нет в открытом доступе, мы можем довольствоваться только наиболее близкой из возможных аналогий (в контексте чисто правового исследования, тем более в области уголовного права, такая аналогия была бы, разумеется, недопустима). В приговоре совершенное Н. деяние описывается следующим образом:

Н., являющийся гражданином Российской Федерации, обязанный соблюдать Конституцию Российской Федерации, в том числе заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры... прибыл на участок берега Черного моря, расположенный под объектом культурного наследия федерального значения “Памятное место высадки десанта на Малой Земле”, увековечивающим память погибших при защите Отечества в период Великой Отечественной войны... совместно с А.²³, где они стали совместно распивать спиртные напитки.

Непосредственно, в ходе распития спиртных напитков, находясь в вышеуказанном месте, у Н., возник преступный умысел, направленный на причинение ущерба историко-культурному значению объекта культурного наследия в виде его механического повреждения в результате разбития о него стеклянных бутылок, а также морального оскорбления памяти граждан погибших при защите Отечества и его интересов в период Великой Отечественной войны (ГАС РФ “Правосудие”).

Поскольку данное преступление характеризуется только прямым умыслом, установление этого умысла (как важнейшего элемента субъективной стороны) в приговоре логично и понятно. Гораздо важнее, что правоприменитель (суд) описывает как часть этого умысла стремление к “моральному оскорблению памяти”, хотя оно избыточно для квалификации действий как преступных – достаточно уничтожения или повреждения мемориала. По-видимому, эту странную формулировку следует прочитывать именно как синоним “осквернения”, хотя остается не вполне понятным, почему не использовалось это слово, известное, как отмечалось выше, российскому уголовному закону. Особенно же обращает на себя внимание следующее уточнение:

При этом, Н. понимал, что в результате ударов бутылок о вышеуказанный объект культурного наследия федерального значения на нем могут образоваться сколы, что *приведет к существенному изменению исторической памяти* (курсив наш. – Н.П., Б.П.), и он не сможет использоваться по своему назначению без восстановления, так как образовавшиеся повреждения будут заметны при зрительном восприятии гражданами (Там же).

Именно эта курьезная, на первый взгляд, формулировка дает, как нам представляется, ключ к пониманию сущности святотатства в представлении “усредненного” российского правоприменителя. Сакральность охраняемой уголовным законом памяти в ее материальном измерении подразумевает неприкосновенность воплощающих ее вещей и их порядок – и если сами вещи или их порядок

нарушены, стало быть, они осквернены. В пользу этой версии свидетельствуют и другие аккумулированные нами в базе данных прецеденты: например, привлечение к ответственности за перемещение венков, бросание их в огонь, варку пицци на огне и т.п.

В связи с этим интересно отметить, что ущерб памятнику, причиненный действиями Н., определяется судом одновременно и как материальный, и как моральный.

В результате умышленных преступных действий Н., две стеклянные бутылки разбились об указанный объект культурного наследия федерального значения, и на нем образовались повреждения в виде скола плиты берегоукрепляющего откоса... чем причинил общий материальный ущерб на сумму 1830 рублей, а также ущерб историко-культурному значению указанного объекта, который не сможет использоваться по своему назначению без восстановления, так как образовавшиеся повреждения будут заметны при зрительном восприятии гражданами... а также оскорбил память граждан, погибших при защите Отечества и его интересов в период Великой Отечественной войны (Там же).

Однако из показаний директора ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник» следует (хотя сколы в них и упоминаются), что учреждению причинен только моральный вред. В дальнейшем текст приговора полностью избегает каких-либо описаний действий Н. как оскорбительных, осквернительных или вообще с нравственной точки зрения неприемлемых, причем как в описательной, так и в мотивировочной частях.

Обратившись к показаниям ключевых фигурантов дела – самого Н. и свидетельницы А., которая находилась с Н. в месте совершения им преступления, – можно увидеть совершенно иную мотивировку действий виновника. Н. поясняет, что все произошло, когда они с А. распивали пиво возле памятника.

Так как А. находилась в грустно[м] состоянии, он стал говорить ей, что в психологии имеется такой метод психологической разгрузки, когда разбиваешь посуду и тому подобное, и становиться лучше. Он стал снимать видеоролик, и бросил пустую бутылку пива в подъем, ведущий к стелле, от чего бутылка разбилась. Он не видел, образовались ли повреждения в месте, куда он выбросили бутылку. Далее, так как он купался в море в майке и трусах, они были мокрые, он решил их переодеть. Он зашел вглубь стеллы, залез на выступ подъема, ведущего к мемориалу, при этом его не было видно со стороны пляжа, где находились люди. Он стал переодеваться, снял трусы, а также как у него на телефоне играла музыка, и его не было видно, он стал танцевать и размахивать трусами над головой. При этом, его на камеру телефона снимала ФИО7. Далее, он сел на выступ, стал надевать штаны и своей рукой шлепнул себя по ягодице, тем самым создавая веселую обстановку, пытаясь развеселить ФИО7 (Там же).

Аналогичные (почти дословно совпадающие) показания дает и А. При этом оба поясняют, что, поскольку дело происходило ночью, они не понимали, что находятся на памятнике, расположенном прямо на морском берегу (А. уточняет также, что полагала, будто они находятся на пляже; поблизости купались и другие люди).

С учетом изложенного нам представляется уместным обратиться к вопросу о том, каким образом в тексте приговора конструируется утверждение о виновности Н. в преступлении, состав которого, как мы указывали выше, предусматривает специальную цель, наличие которой Н. отрицал²⁴. Однако мотивировочная часть приговора удивительно скупа на рассуждения об этом, сводя все к одной фразе:

Оценив в совокупности все исследованные доказательства, суд считает вину подсудимого Н. в совершении повреждения расположенного на территории Российской Федерации памятника, увековечивающего память погибших при защите Отечества и его интересов в период Великой Отечественной войны, в целях причинения ущерба историко-культурному значению такого объекта – доказанной (Там же).

Это очевидным образом отсылает нас к описательной части приговора; по логике такого утверждения, вывод о виновности Н. должен возникать из совокупности доказательств как сам собой разумеющийся. Доказательства, на которые ссылается суд, представляют собой показания (помимо перечисленных выше) матери Н., нескольких человек, смотревших видеозапись в его профиле в социальной сети, нескольких человек, купавшихся в море неподалеку, и, по-видимому, специалиста-криминалиста, принимавшего участие в осмотре места происшествия. Такие показания, очевидно, не способны ответить на вопрос о мотивах действий Н. – они свидетельствуют только о самих этих действиях.

Поэтому для нас наибольший интерес представляют протоколы двух следственных экспериментов и заключения двух экспертиз, на которые ссылается суд. Согласно трасологической экспертизе, “следы повреждений могли быть образованы как стеклянной бутылкой, так и любым другим твердым предметом, обладающим аналогичными характеристиками материала, из которого он был изготовлен” (Там же). В результате второй экспертизы был определен размер причиненного ущерба – 1830 руб. Однако в деле отсутствуют иные экспертизы (культурологические, исторические и т.п.), заключения которых позволяли бы тем или иным образом интерпретировать действия виновного как оскорбительные, – или же суд на них не ссылается.

Объяснительную функцию в доказательственной базе в какой-то степени выполняют протоколы следственных экспериментов, согласно которым,

с мест, где находились Н. и А. возможно увидеть и разглядеть рельеф с изображением солдат, матросов, изображенных на фасаде правой консоли, часть скульптуры в виде четырех солдат, одетых в одежду времен Великой Отечественной Войны, а также надпись “Волю свою, силы свои и кровь свою капля за каплей мы отдадим за счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая родина”, “Клянемся своими боевыми знаменами, именем наших жен и детей, именем нашей любимой родины, клянемся выстоять в предстоящей схватке с врагом, перемолоть его силы”, расположенной с внутренней стороны вышеуказанного объекта²⁵ (Там же).

Из собранной совокупности доказательств – не требующей дополнительных объяснений с точки зрения суда – можно сделать вывод, что “святотатственность” посягательства очевидно вытекает из самих обстоятельств совершения преступления или, точнее говоря, обусловлена самим местом, где оно было совершено. Вопрос о виновности Н., таким образом, предрешается исходя из того факта, что место преступления – памятник погибшим защитникам Родины, поэтому никакие экспертизы и дополнительные исследования не нужны.

Парадоксальным образом все это вкупе с “умолчанием” суда об аморальности совершенного Н. поступка вовсе не свидетельствует о том, что этот поступок судом не воспринимался как святотатство. Скорее наоборот: для правоприменителя (следствия и суда) действия Н. безусловно являются святотатственными, о чем можно судить и по тому факту, что квалифицированы они были по специальной норме ст. 243.4 УК, а не как, например, вандализм. Такое умолчание подразумевает, что “святотатственность” действий Н. настолько очевидна (как то, что небо – голубое, а вода – жидкая), что нет особой необходимости останавливаться на ней подробно. В пользу этой гипотезы свидетельствует и то, что Н. было назначено наказание в виде реального лишения свободы сроком на шесть месяцев, а до суда он находился под стражей. При этом стоит отметить, что Н. не был ранее судим, имеет постоянное место жительства и положительные характеристики.

Вместо заключения: “мемориальное святотатство”

Проблематичность ситуации, возникающей при рассмотрении актов осквернения Вечного огня, заключается в том, что она допускает вольную интерпретацию: может рассматриваться и как святотатственные действия, оскорбляющие память о героях Великой Отечественной войны, и как общественная дискуссия качественно различающихся групп, одна из которых утверждает, что Вечный огонь – священный символ прошлого, а другая намеренно или ненамеренно это отрицает, считая его не сакрализованным объектом, а материальным и обращаюсь с ним как с обычным костром; таким образом, налицо сдвиг в восприятии Вечного огня. Соответственно, мы имеем дело с несколькими мнемоническими группами – носителями разных нарративных схем.

Без интервью с “осквернителями” и правоприменителями, собрать которые в сегодняшних российских реалиях практически невозможно, приведенное выше объяснение остается лишь гипотезой. В части описанных в СМИ случаев речь действительно может идти о намеренных действиях (напр., танцы у мемориала – № 100): ярлыки священной памяти о жертвах прошлого профанизируются, само прошлое отрицается, а государственная классификация священных символов оказывается для нарушителей неактуальной. Но в части случаев виновные, называемые СМИ мигрантами, бездомными, подростками, по разным причинам не считают значения государственных “ярлыков”.

Вероятно, пояснить ситуацию можно, используя понятие перформативности различий, о котором писал Н.В. Ссорин-Чайков, дополняя теорию описательной перформативности М. Каллона. Н.В. Ссорин-Чайков рассматривает понятия “товар” и “дар” и указывает, что перформативно само различие между рыночными и нерыночными отношениями и их “идентификация как действие не просто описывает, но создает отношения” (Ссорин-Чайков 2012: 62). В нашем случае перформативными для закрепления святотатственной нормы в законе оказываются действия СМИ и правоприменителей. В целом рассматриваемый процесс можно описать так: 1) акторы совершают публичные действия (физические или вербальные) по отношению к Вечному огню; 2) СМИ и публичные лица распознают эти действия как неконвенциональные социальному порядку и памяти о прошлом, закрепляя за ними определенные ярлыки и значения; 3) правоприменители, вписывая акторов этих неконвенциональных действий в процесс осквернения символов, связанных с памятованием о героях прошлого, формируют язык, на котором эти действия трактуются как кощунственные и совершенные с умыслом, а сами символы приобретают секулярную сакральность в нормативных актах, в том числе и в уголовном законе. В дальнейшем, согласно такой перформативности, меняется и интенциональность поведения акторов, которые, будучи включены в дискурсивное поле случаев осквернения Вечного огня и наказаны за это, совершают уже намеренные действия, связанные с осквернением государственных святынь²⁶.

Поскольку все эти разнородные акты равно интерпретируются правоприменителями как святотатственные, нам представляется уместным предложить для них общий термин “мемориальное святотатство”, под которым мы подразумеваем неконвенциональные действия с мемориальными комплексами и их элементами, в частности Вечным огнем, влекущие за собой репрессивные меры.

Благодарности

Благодарим за полезное обсуждение материалов к статье участников научного семинара “Blasphemy, Sacrilege, Desecration: Discourses, Narratives and

Practices” (Ереван, 25–26 октября 2022 г.), прежде всего Александра Агаджяна, Юлию Антонян, Михаила Немцева, Александра Панченко, Надежду Рычкову, Екатерину Хониневу. Отдельная благодарность редакторам журнала за работу со статьей.

Примечания

¹ Не все огни, связанные с памятованием погибших в Великой Отечественной войне, называются “вечными”. Согласно ч. 3 ст. 2 Закона РФ от 14.01.1993 № 4292-1 (в ред. от 01.05.2022) “Об увековечении памяти погибших при защите Отечества” (введена Федеральным законом от 19.07.2018 № 214-ФЗ), различаются “вечные огни” и “огни памяти”. Постоянно функционирующие объекты называются “Вечными огнями”, зажигаемые эпизодически – “огнями памяти”. В этом исследовании нас интересуют прежде всего “вечные огни”, расположенные в общественном пространстве, и различные действия с ними, которые не включаются в гражданскую ритуалистику.

² Мы не нашли точных данных о количестве Вечных огней в России. Цифры приводятся со слов главы Комитета Совета Федерации по экономической политике, растиражированных многочисленными СМИ (см. напр.: *Кеффер* 2022).

³ Описания празднования Дня Победы в 2013 г. на Пискаревском кладбище в Санкт-Петербурге см.: *Нерар, Дворкин* 2020.

⁴ См., напр., наблюдения М. Габовича о схожести паломничеств к святым местам и светских военно-мемориальных паломничеств (*Габович* 2020б: 404).

⁵ Собственно говоря, термин “богохульство” в его втором значении определяется как “оскорбление чего-л. дорогого, сокровенного для кого-л.” (Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998 [первое издание]; цит. по изд. 2014 г.). В.И. Жельвис, рассуждая о применении этого термина, отмечает, что он используется в качестве определения для посягательств кого-либо на государственную идеологию (*Жельвис* 2015: 91).

⁶ Можно выделить и четвертый тип акторов – церковно-общественных деятелей (отчасти маргинальных), пытающихся переименовать “вечный огонь”. Они включались в диспут до 2015 г., рассуждая так: «Христиане оказались в ситуации “двоеверия”: с одной стороны, вечный огонь как закрепленный в литургической традиции образ ада, с другой стороны – сформированный советской властью образ памяти о погибших за Отечество воинах, важная часть многочисленных мемориальных комплексов. Можно ли примирить эти два огня? Или, точнее, “воцерковить” второй огонь?» (*Чапнин* 2015). С. Чапнин предлагал развести “священное” и “мемориальное” значения Вечного огня и закрепить это на уровне практик и законодательно, но поддержки предложение не получило.

⁷ Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ “О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан”.

⁸ Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях”.

⁹ Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”.

¹⁰ База данных размещена в репозитории Researchgate (https://www.researchgate.net/publication/368308057_Petrov_NV_Peigin_BS_Cases_of_Eternal_Flame_Desecration_in_Modern_Russia_Database_Moscow_2023) и является приложением к этой статье. Каждому случаю присвоен отдельный номер.

В статье в круглых скобках курсивом приводится порядковый номер кейса, соответствующий номеру в базе, напр.: (№ 2).

¹¹ См.: Мотренко 2020.

¹² См.: Васильев 2018.

¹³ Термин *affordances* впервые используется в психологии Дж. Гибсоном (Гибсон 1988: 13).

¹⁴ См.: Микуляк 2022; Смирнова 2022; Мотренко 2020.

¹⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. во Втором разделе устанавливало ответственность за богохульство (гл. 1 и 2), за кощунство (гл. 3) и за святотатство (включая разрытие могил) (гл. 4).

¹⁶ Федеральный закон от 07.04.2020 № 112-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации”.

¹⁷ Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”.

¹⁸ Строго говоря, это серьезная проблема, которая требует решения: внесения корректировок в уголовный закон или, по крайней мере, однозначного осмысления в практике высших судов, которое ограничивало бы возможности произвольного правоприменения в каждом конкретном случае. Однако вопрос об этом выходит за рамки нашего исследования.

¹⁹ Мы намеренно оставляем за скобками вопрос о реальной общественной опасности так наз. суицидальных игр, который требует специального исследования.

²⁰ Вероятно, речь идет о проверке сообщения о преступлении в порядке ст. 144–145 УПК РФ.

²¹ Дата обращения к Базе данных судебных решений ГАС РФ “Правосудие” (bsr.sudrf.ru) здесь и далее – 10.05.2022.

²² В полном виде формулировка совершенного Н. преступления звучит громоздко: “Уничтожение либо повреждение расположенных на территории Российской Федерации или за ее пределами воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России (в том числе мемориальных музеев или памятных знаков на местах боевых действий), а равно памятников, других мемориальных сооружений или объектов, посвященных лицам, защищавшим Отечество или его интересы, в целях причинения ущерба историко-культурному значению таких объектов, совершенное в отношении воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов в период Великой Отечественной войны либо посвященных дням воинской славы России в этот период (в том числе мемориальных музеев или памятных знаков на местах боевых действий), а равно памятников, других мемориальных сооружений или объектов, посвященных лицам, защищавшим Отечество или его интересы в период Великой Отечественной войны”.

²³ Анонимизация фигурантов дела наша. В остальном тексты решений приводятся без изменений.

²⁴ Признавая, однако, себя виновным в совершении преступления. Поскольку в силу положений ч. 2 ст. 49 Конституции РФ, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, такое признание само по себе не делает его виновным – это должно быть установлено судом в мотивировочной части приговора.

²⁵ Из процитированных в приговоре протоколов не следует с определенностью, в какое время суток проводились указанные следственные действия.

²⁶ Ср. случай в Истре, когда мужчина в 2011 г. в военно-историческом музее подошел к мемориалу “Рубеж Славы” и прикурил сигарету от Вечного огня. Соответствующее видео он выложил в соцсеть через 10 лет – в ноябре 2021 г. (№ 75).

Источники и материалы

Бастрыкин 2020 – Бастрыкин пообещал найти каждого, кто “куражится” на памяти о войне // РИА новости. 20.11.2020. <https://ria.ru/20201120/ratyat-1585492651.html>

Васильев 2018 – *Васильев М.* Как наказать негодяев, сознательно глумящихся над памятью павших // Экспресс газета. 07.05.2018. <https://www.eg.ru/society/523789/>

Кеффер 2022 – *Кеффер Л.* Совет федерации одобрил закон о бесплатном газе для Вечных огней // Коммерсантъ. 26.04.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5328095>

СРЯ 1999а – Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2, К–О / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

СРЯ 1999б – Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4, С–Я / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

Микуляк 2022 – *Микуляк Л.* Россиянина арестовали за осквернение Вечного огня // Lenta.ru. 29.05.2022. <https://lenta.ru/news/2022/05/29/fire/>

Мотренко 2020 – *Мотренко Е.* Все терпит: почему выходы у Вечного огня происходят все чаще // Известия. 19.12.2020. <https://iz.ru/1101717/elena-motrenko/vse-terpit-pochemu-vykhodki-u-vechnogo-ognia-proiskhodiat-vse-chashche>

Смирнова 2022 – *Смирнова Л.* Феодосийский пьяница напросился на три года колонии за глумление над Вечным огнем // Политнавигатор. 21.10.2022. <https://www.politnavigator.net/feodosijskijj-pyanica-naprosilsya-na-tri-goda-kolonii-za-glumlenie-nad-vechnym-ognjom.html>

Чапнин 2015 – *Чапнин С.* Три огня // Правмир. 13.05.2015. <https://www.pravmir.ru/tri-ognya>

Научная литература

Алимирзаев Э.А. К вопросу о специфике советского этапа развития уголовно-правовой охраны общественной нравственности в сфере социальной памяти общества // Вестник экономической безопасности. 2020а. № 4. С. 58–62. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10230>

Алимирзаев Э.А. Развитие уголовно-правовых норм об ответственности за надругательство над телами умерших и местами их захоронения в некодифицированных период правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2020б. №. 6. С. 99–105. <https://doi.org/doi:10.24411/2073-0454-2020-10333>

Архипова А.С. и др. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 4–38.

Габович М. (ред.) Памятник и праздник: этнография Дня Победы. СПб.: Нестор-История, 2020а.

Габович М. Святой остров Трептов: постмигрантские и трансграничные военно-мемориальные практики в современном Берлине // Памятник и праздник: этнография Дня Победы / Под ред. М. Габовича. СПб.: Нестор-История, 2020б. С. 383–410.

- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история. М.: Новое издательство, 2004.
- Дубин Б.В.* Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки. 2008. № 4 (43). С. 6–21.
- Жельвис В.И.* Богохульство как речевой жанр // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 90–95.
- Исмагилов Р.А.* Совершенствование дифференциации уголовной ответственности за надругательство над телами умерших и местами их захоронения // Научный портал МВД России. 2016. № 2 (34). С. 15–20.
- Костюкевич К.А., Хан А.А.* К вопросу о привлечении к уголовной ответственности иностранных лиц, совершивших преступление, предусмотренное статьей 243.4 УК РФ // Закон и право. 2021. № 1. С. 189–191. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-1-189-191>
- Макарова Ю.В.* Проблема правопонимания осквернения предметов – носителей социальной памяти об умершем в современной доктрине уголовного права Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. № 1 (2). С. 196–207.
- Малетина М.А.* Преступная причастность к самоубийству несовершеннолетних: сравнительно-правовой анализ законодательства России, стран СНГ и Балтии // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 141–144.
- Микиртумов И.Б.* Риторика оскорбленных чувств // РАЦИО.ru. 2016. Т. 17. № 2. С. 80–101. https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/eb6/%D0%9C%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%83%D0%BC%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0.pdf
- Миллеров Е.В.* Охрана общественной нравственности в контексте правоохранительных функций органов внутренних дел России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 136–141. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-1-136-141>.
- Москалев Г.Л.* Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 8. С. 1070–1081. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0910>
- Непомнящая Т.В.* Современная российская уголовная политика: проблемы правотворчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 86–94.
- Нерар Ф.-К., Дворкин А.* “Но разве от этого легче?” Критические заметки о мероприятиях в память о Великой Отечественной войне в Санкт-Петербурге (2013 г.) // Памятник и праздник: этнография Дня Победы / Под ред. М. Габовича. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 62–80.
- Радченко Д.А.* Бабы жарят крокодила: право на интерпретацию памятника // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2. №1–2. С. 230–255.
- Ригль А.* Современный культ памятников: его сущность и возникновение. М.: V-A-C Press, 2018.
- Сазонов Е.А.* Феномен “желтой прессы” // Научно-культурологический журнал Relga. 2005. № 7 (109). <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=497&level1=main&level2=articles>
- Ссорин-Чайков Н.В.* Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара и товара // Экономическая социология. 2012. № 2. С. 59–81.

- Токарев С.А.* Обычаи и обряды как объект этнографического исследования // Этнографическое обозрение. 1980. № 3. С. 26–36.
- Юдкина А.* “Памятник без памяти”: первый Вечный огонь в СССР // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). С. 112–134.
- Asad T.* Reflections on Blasphemy and Secular Criticism // Religion: Beyond a Concept / Ed. H. de Vries. N.Y.: Fordham University Press, 2008. P. 580–609.
- Boltanski L., Thévenot L.* The Sociology of Critical Capacity // European Journal of Social Theory. 1999. Vol. 2. № 3. P. 359–377.
- Genrikh N.V.* Culture and criminalization: independence and mutual influence // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2. № 4. С. 176–196. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2020.4.176-196>
- Glassner B.* The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things. N.Y.: Basic Books, 1999.
- Oushakine S.A.* Remembering in Public: On the Affective Management of History // Ab Imperio. 2013. № 1. P. 271–302.
- Warner E., Adonyeva S.* We Remember, We Love, We Grieve. Madison: The University of Wisconsin Press, 2021.
- Wertsch J.V.* Collective Memory and Narrative Templates // Social Research. Vol. 75. № 1. 2008. P. 133–156.
- Wertsch J.V.* Collective Memory // Memory in Mind and Culture / Eds. P. Boyer and J.V. Wertsch. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 117–137.
- Wertsch J.V.* Texts of Memory and Texts of History // L2 Journal. 2012. № 1 (4). P. 9–20.
- Winter J.* Sites of Memory, Sites of Mourning. Cambridge: Canto Classics, 2014.

Research Article

Petrov, N.V., and B.S. Peigin. The Sacralization of the Secular in Contemporary Russia: The “Desecration” of the Eternal Flame [Sakralizatsiia sekuliarnogo v sovremennoi Rossii: “oskvernenie” Vechnogo ognia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 2, pp. 66–92. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020045> EDN: QQOWZO ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Nikita Petrov | <http://orcid.org/0000-0002-2467-9535> | nik.vik.petrov@gmail.com | Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russia) | European University at St. Petersburg (6/1A Gagarinskaya Str., 191187, St. Petersburg, Russia)

Boris Peigin | <http://orcid.org/0000-0002-2467-9535> | shtyr@eu.spb.ru | Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russia)

Keywords

desecration, eternal flame, blasphemy, law, secular sacred, norm, narrative, modern Russia

Abstract

The article examines more than 100 cases of “desecration” of the Eternal Flame in Russia in the 2010s–2020s. In the context of criminal cases involving blasphemy and desecration of holy places, starting with the “Pussy Riot case”, the cases of the “desecration” of the Eternal Flame allow us to see, first, how the arguments and

language used by the media and law enforcement in the legal discussion regarding the secular sacred are shaped; and second, how the shift from the symbolic to the material occurs in relation to symbols of memory in contemporary Russian society. The article shows how and on what grounds perpetrators of such behavior are prosecuted in contemporary Russia, and what penalties are imposed on them. Despite the presence of special norms on such deeds in the Russian criminal law, they are in some cases qualified by law enforcers with their use, in others as vandalism or desecration of the bodies of the dead and their burial places, in still others as administrative offences. Law enforcers in all cases clearly read their meaning (as an attempt on the sacred), but the Russian law lacks a legal definition of “desecration” (if the term itself exists), which apparently leads to the use of different norms to punish those responsible. Since these actions are interpreted by law enforcers as sacrilegious, it seems appropriate for us to propose for them the general term “memorial sacrilege”, by which we mean unconventional actions with memorial complexes and their elements, in particular the Eternal Flames, entailing the use of repression.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 21-18-00508]

References

- Alimirzaev, E.A. 2020. K voprosu o spetsifike sovetskogo etapa razvitiia ugolovno-pravovoi okhrany obshchestvennoi nravstvennosti v sfere sotsial'noi pamiati obshchestva [To the Question About the Specificity of the Soviet Criminal Protection of Public Morality Development Stage in the Sphere of Social Memory of Society]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* 4: 58–62. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10230>
- Alimirzayev, E.A. 2020. Razvitie ugolovno-pravovykh norm ob otvetstvennosti za nadrugatel'stvo nad telami umershih i mestami ikh zakhoroneniia v nekodifitsirovannykh period pravovogo regulirovaniia [Development of Criminal Law About Responsibility for Violation over the Bodies of the Dead and the Places of their Burial in Uncodified Period Legal Regulation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* 6: 99–105. <https://doi.org/doi:10.24411/2073-0454-2020-10333>
- Arkipova, A.S., et al. 2020. Puti rossiiskoi infodemii: ot WhatsApp do Sledstvennogo komiteta [Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 6: 4–38. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.
- Asad, T. 2008. Reflections on Blasphemy and Secular Criticism. In *Religion: Beyond a Concept*, edited by H. de Vries, 580–609. New York: Fordham University Press.
- Boltanski, L., and L. Thévenot. 1999. The Sociology of Critical Capacity. *European Journal of Social Theory* 2 (3): 359–377.
- Dubin, B.V. 2008. Pamiat', voina, pamiat' o voine. Konstruirovaniie proshlogo v sotsial'noi praktike poslednikh desiatiletii [Memory, War and War Memory: Constructing the Past in Social Practices of Recent Decades]. *Otechestvennye zapiski* 4 (43): 6–21.
- Gabovich, M., ed. 2020. *Pamiatnik i prazdnik: etnografiia Dnia Pobedy* [Monument and Holiday: An Ethnography of Victory Day]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Gabovich, M. 2020. Sviatoi ostrov Treptov: postmigrantskie i transgranichnye voenno-memorial'nye praktiki v sovremennom Berline [The Holy Island of Treptow: Postmigrant and Cross-border War Memorial Practices in Contemporary Berlin]. In *Pamiatnik i prazdnik: etnografiia Dnia Pobedy*

- [Monument and Holiday: An Ethnography of Victory Day], edited by M. Gabovich, 383–410. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Genrikh, N.V. 2020. Culture and Criminalization: Independence and Mutual Influence. *Pravosudie/Justice* 2 (4): 176–196. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2020.4.176-196>
- Gibson, J. 1988. *Ekologicheskii podkhod k zritel'nomu vospriiatiiu* [The Ecological Approach to Visual Perception]. Moscow: Progress.
- Ginzburg, C. 2004. *Mify – emblemy – primety: morfologiya i istoriya* [Myths – Emblems – Notes: Morphology and History]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Glassner, B. 1999. *The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things*. New York: Basic Books.
- Ismagilov, R.A. 2016. Sovershenstvovanie differentsiatsii ugolovnoi otvetstvennosti za nadrugatel'stvo na telami umershih i mestami ikh zakhroneniia [Improving the Differentiation of Criminal Liability for Desecration of the Bodies of the Dead and Their Burial Places]. *Nauchnyi portal MVD Rossii* 2 (34): 15–20.
- Kostyukevich, K.A., and A.A. Khan. 2021. K voprosu o privilechenii k ugolovnoi otvetstvennosti inostrannykh lits, sovershivshikh prestuplenie, predusmotrennoe stat'ei 243.4 UK RF [On the Issue of Bringing to Criminal Responsibility Foreign Persons Who Have Committed a Crime Under Article 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Zakon i pravo* 1: 189–191. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-1-189-191>
- Makarova, Y.V. 2019. Problema pravoponimaniia oskverneniia predmetov – nositelei sotsial'noi pamiati ob umershem v sovremennoi doktrine ugolovnogo prava Rossiiskoi Federatsii [Problem of Right Understanding of Defilement of Objects-Carriers of Social Memory of the Dead in the Modern Doctrine Criminal Law of the Russian Federation]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* 1 (2): 196–207.
- Maletina, M.A. 2018. Prestupnaia prichastnost' k samoubiistvu nesovershennoletnikh: sravnitel'no-pravovoi analiz zakonodatel'stva Rossii, stran SNG i Baltii [Criminal Involvement in Juvenile Suicide: Comparative and Legal Analysis of Legislations of Russia, CIS and Baltic States]. *Ugolovnaia yustitsiia* 11: 141–144.
- Mikirtumov, I.B. 2016. Ritorika oskorblennykh chuvstv [Rhetoric of Insulted Feelings]. *RATsIO.ru* 17 (2): 80–101. https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/eb6/%D0%9C%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%83%D0%BC%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0.pdf
- Millerov, E.V. 2021. Okhrana obshchestvennoi nravstvennosti v kontekste pravookhranitel'nykh funktsii organov vnutrennikh del Rossii [Protection of Public Morals in the Context of Law Enforcement Functions Internal Affairs of Russia]. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik* 1: 136–141. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-1-136-141>
- Moskalev, G.V. 2022. Okhrana istoricheskoi pravdy: novaia zadacha rossiiskogo prava [Protection of Historical Truth: A New Task of Russian Law]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 15 (8): 1070–1081 <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0910>
- Nepomniashchaia, T.V. 2015. Sovremennaia rossiiskaia ugolovnaia politika: problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniia [Modern Russian Criminal Policy: The Problems of Law Making and Law Enforcement]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* 2 (16): 86–94.
- Nérard, F.-X., and A. Dvorkin. 2020. “No razve ot etogo legche?” Kriticheskie zametki o meropriiatiakh v pamiat' o Velikoi Otechestvennoi voine v Sankt-Peterburge (2013 g.) [“But Does That Make It Any Easier?” Critical Notes on Events in

- Memory of the Great Patriotic War in St. Petersburg (2013)]. In *Pamiatnik i prazdnik: etnografiia Dnia Pobedy* [Monument and Holiday: An Ethnography of Victory Day], edited by M. Gabovich, 62–80. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Oushakine, S.A. 2013. Remembering in Public: On the Affective Management of History. *Ab Imperio* 1: 271–302.
- Radchenko, D.A. 2019. Baby zhariat krokodila: pravo na interpretatsiiu pamiatnika [The Women A-frying a Crocodile: The Right to Interpret a Monument]. *Urban Folklore & Anthropology* 2 (1–2): 230–255.
- Riegl, A. 2018. *Sovremennyi kul't pamiatnikov: ego sushchnost' i vozniknovenie* [The Modern Cult of Monuments: Its Character and Origin]. Moscow: V-A-C Press.
- Sazonov, E.A. 2005. Fenomen “zheltoi pressy” [The “Yellow Press” Phenomenon]. *Nauchno-kul'turologicheskii zhurnal Relga* 7 (109). <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=497&level1=main&level2=articles>
- Ssorin-Chaikov, N.V. 2012. Medvezh'ia shkura i makarony: o sotsial'noi zhizni veshchei v sibirskom sovkhوزه i performativnosti razlichii dara i tovara [Bear Skins and Macaroni: On Social Life of Things in a Siberian State Collective, and on the Performativity of Gift and Commodity Distinctions]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* 2: 59–81.
- Tokarev, S.A. 1980. Obychai i obriady kak ob'ekt etnograficheskogo issledovaniia [Customs and Rituals as an Object of Ethnographic Research]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 26–36.
- Warner, E. and S. Adonyeva. 2021. *We Remember, We Love, We Grieve*. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Wertsch, J.V. 2008. Collective Memory and Narrative Templates. *Social Research* 75 (1): 133–156.
- Wertsch, J.V. 2009. Collective Memory. In *Memory in Mind and Culture*, edited by P. Boyer and J.V. Wertsch, 117–137. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wertsch, J.V. 2012. Texts of Memory and Texts of History. *L2 Journal* 4 (1): 9–20.
- Winter, J. 2014. *Sites of Memory, Sites of Mourning*. Cambridge: Canto Classics.
- Yudkina, A. 2015. “Pamiatnik bez pamiati”: pervyii Vechnyi ogon' v SSSR [“Monument Without Memory”: The First Eternal Flame in the USSR]. *Neprikosnovennyi zapas* 3 (101): 112–134.
- Zhel'vis, V.I. 2015. Bogokhul'stvo kak rechevoi zhanr [Blasphemy as a Speech Genre]. *Zhanry rechi* 2 (12): 90–95.